

Алексей РАЗОРЁНОВ

1819, село Малое Уварово Московской губернии –
1891, Москва

Разорёнова всю жизнь, да и после смерти, называли поэтом-самоучкой, как, впрочем, и его современников Кольцова, Никитина, Сурикова. Но научить писать стихи практически невозможно – этому можно научиться только самому. В Царскосельском лицее все выполняли одинаковые задания – зарифмовать ту или иную тему или поэкспериментировать с тем или иным размером, и средний уровень версификаторства был довольно высок, но Пушкин почему-то получился только один.

Все поэты, в сущности, самоучки, даже

если у них есть учителя такого уровня, как Иннокентий Анненский. Моим преподавателем поэзии в Литинституте был редактор журнала ЦК ВЛКСМ «Техника – молодежи» Василий Захарченко, всегда одержимый спортивно-техно-поэтическим энтузиазмом, с буйными кудрями, свисавшими на лоб, как виноградные гроздья, и россыпью бородавок на самых неожиданных местах лица, – странный человек, ибо даже во времена «холодной войны» он катался на лыжах в Швейцарии. Стихи он писал такие: «Я видел девочку. Она лежала Цветком подрубленным среди травы. Свинцовое невидимое жало Ее прижало. Это были Вы». Кому, по-вашему, была адресована эта интимная филиппика? Авиаконструктору Мессершмитту. Но мы учились, конечно, не по таким виршам, а по стихам арестованных поэтов или поэтов-эмигрантов, доставая правдами и неправдами эти опасные редкости.

Разорёнов поменял множество мест и профессий, бродяжничая по России, а любой бродяга, чтобы не пропасть, должен быть хорошим актером на самых различных ролях. Разорёнов побывал в ролях и лакея, и разносчика, и приказчика, и статиста ка-

Как и этот бродяга с картины В.М. Максимова, поэт Разорёнов исходил пол-России.

занского драматического театра. Для спектакля, шедшего в этом театре, он и написал песню «Не брани меня, родная...», которая уже полтора века исполняется как народная. Ему не пришлось увидеть при жиз-

ни собственную книгу, но зато выпало счастье много раз слышать эту песню.

Научившийся грамоте по Псалтири, Разорёнов упорно сочинял стихи для песен. Однако никаких денег стихи Разорёнову не принесли, и ему пришлось купить овощную лавку, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. По вечерам, когда в лавке собирался народ, лавочник, по своему обыкновению, начинал разыгрывать представление, произнося монологи из «Гамлета», из драмы Нестора Кукольника о смуте начала XVII века «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» и наизусть читая куски пушкинских поэм.

А вот песня «Не брани меня, родная...», следуя примеру своего непутевого автора, продолжала бродяжничать по Руси уже отдельно от него, и этой песне не нужно было помогать. С бродяг вся Россия пошла.

Не из черной сотни разъяренной –
лавочник в картузе на бочок
Алексей Ермилыч Разорёнов
тихий был, но громкий старичок.

Был до декламации он лакомка –
сыпал гром и молнии тирад,
так что сразу овощная лавка
превращалась в крохотный театр.

Высочив из собственного тела,
к восхищенью чужок, зипунов,
то он был неистовый Отелло,
то вожак Прокопий Ляпунов.

И в конце, слезу в стакан роняя,
на лице размазывая грязь,
пел он: «Не брани меня, родная...»,
девицею красной становясь.

Но когда две толстые трепушки
добиваться стали что есть сил:
«Кто же автор?» –

он им буркнул: «Пушкин...»

Пушкин всё на свете сочинил...»

Е.Е.

Песня

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его.
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилось со мной,
Что так бьется ретивое
И терзается тоской.

Всё оно во мне изныло,
Вся горю я, как огнем,
Всё немило мне, постыло,
Всё страдаю я по нем.

Мне не надобны наряды
И богатства всей земли...
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли...

Сжался, сжался же, родная,
Перестань меня бранить.
Знать, судьба моя такая, –
Я должна его любить!

Конец 1840-х
или начало 1850-х годов